

ИЗНАНКА

МАКС ИГНАР

Макс Игнар

Изнанка

«Автор»

2026

Игнар М.

Изнанка / М. Игнар — «Автор», 2026

Смерть — это бюрократический процесс. Пока ты не откроешь не ту папку. Москва, 2024 год. Разломы Изнанки стали обыденностью, а Пробуждённые — штатными сотрудниками РПРФ. Игорь Козлов — старший регистратор. Три года он ставит печати, оформляет справки о гибели охотников и заучивает статистику смертей. Его ранг — «некласс», боевой ценности — ноль. Но однажды из-за ошибки в системе Игорю падает закрытый архив отдела «Нить». Всего одна папка с грифом «Совершенно секретно» — и случайность превращается в закономерность. Девять точек на карте России. Идеальная геометрия Разломов. И восемнадцать месяцев до того, как барьер между миром живых и мёртвых рухнет навсегда. Игорь не Витязь и не Маг. Он некромант, класс официально не существует. Чтобы остановить катастрофу, ему предстоит вести свою войну: без санкции РПРФ, без поддержки гильдий, рядом с мёртвым охотником, которого он поднял из небытия, и предателем, чья вина измеряется двенадцатью жизнями. Древние боги проснулись.

© Игнар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Макс Игнар

Изнанка

Пролог

Деревня называлась Усть-Вяжь. Кошей не помнил, когда в последний раз спрашивал название места: названия принадлежали живым, живые нуждались в них, чтобы знать, откуда они и куда возвращаются, а мёртвым возвращаться было некуда, и потому названия становились ненужными очень быстро — это была одна из первых вещей, которую понимал каждый, кто переступал порог, понимал и переставал беспокоиться об этом навсегда. Но деревня называлась Усть-Вяжь. Кошей знал это, потому что в ней было триста двенадцать душ, потому что она стояла на излучине Волги к востоку от Казани, и потому что Мор пришёл сюда осенью 1924 года по причинам, которые никого из тех, кто принимал решения, не беспокоили. Деревни такого размера умирали за одну ночь при правильном Море, и эта умерла чисто. Кошей стоял на берегу и смотрел на огонь. Мог погасить, но огонь был уже неважен — важные вещи заканчивались раньше, чем люди успевали это осознать, а Кошей понимал это за них: три тысячи лет были достаточным сроком. Души поднимались к нему торопливо — как всегда поднимались в первые минуты: испуганные, растерянные, не успевшие понять, что страх принадлежит живым и что эта привычка им больше не нужна, — Кошей принимал их молча, потому что слова живых в такие моменты были всегда одинаковыми, а одинаковое ответа не заслуживало. Навь принимала их мягко: за порогом страх уходил быстро, потому что держаться за него не было смысла, мёртвые понимали это сами, — он повторял себе это три тысячи лет. Последней пришла молодая женщина. Кошей заметил её ещё когда она умирала: умирала медленнее остальных — крестьянка лет двадцати пяти, с руками работника и лицом человека, который не ждал этого конкретного вечера. Умирала от нежелания, что было редкостью даже по меркам трёх тысяч лет. Она остановилась в двух шагах от него и подняла руку. Протянула её мимо него, мимо берега, мимо догорающих изб — в темноту над водой, туда, где не было ничего, кроме ночного воздуха и запаха дыма, и сказала: — Я ещё не готова. Говорила в темноту, не ему, — и темнота не ответила, а Кошей, сопроводивший миллионы душ, стоял и слушал. За всё время ни одна из них не была готова — ни одна. Это был известный факт, который он знал так же хорошо, как знал имена каждого из своих капитанов, как знал геометрию девяти нексусов, как знал — с точностью до десятилетия — когда Мара закончит то, что начала: ни одна из них не была готова, и все они уходили, и все переставали бояться, и Навь принимала их без жестокости, потому что Навь не знала жестокости — только порядок. И всё же что-то в этих словах застряло. Память у него работала безупречно. Дело было в чём-то другом, в том, для чего у Кошея не было названия, потому что нужда в нём до этого момента не возникала. Он взял её, как положено, правильно, без жестокости и без задержки, проводил туда, куда провожал всех остальных, и убедился, что всё сделано как должно. Развернулся и ушёл. Ночь над Волгой была тихой — такой, какой только может быть ночь после того, как все, кто наполнял её звуками, ушли куда-то, где звуки стали другими, — и Кошей шёл по берегу, потому что думать было необходимо, а это он всегда делал чётко, даже когда не хотел. Навь совершенна; мёртвые не боятся; им не нужна надежда — и это доказывает правоту Великого Схождения, потому что если мёртвым лучше, чем живым, то смерть есть благо, значит, то, что делает Мара, есть благо, а значит, тысячелетия верной службы были правильными: эту цепочку рассуждений он знал наизусть, а прошедшие годы не оставляли места для сомнений. Он прошёл её снова — медленнее, чем обычно. И впервые за долгое время — не верил собственным словам до конца. Кошей остановился у воды. Волга была тёмной, глубокой и совершенно безразличной ко всему

происходящему — как и полагалось реке, пережившей достаточно. Из всех миллионов душ, которых он провёл, он не помнил ни одного имени — имена принадлежали живым, а мёртвым они были больше не нужны. Он помнил только: Я ещё не готова. Молодая женщина из деревни Усть-Вяжь, протянутая рука, темнота, которая не ответила. Навь умеет принимать всё — страх, усталость, незавершённость. Всё это она забирала быстро и без усилий, и мёртвые переставали нуждаться в надежде, потому что надежда — это инструмент тех, кто ещё может потерять, а мёртвые ничего не теряют, — потому им лучше. Он верил в это тысячи лет. Кощей поднял руку — повторив жест девушки, — и медленно опустил: никто не видел.

Глава 1

Восемь сорок семь, понедельник, январь. В московском отделении РПРФ пахло мокрыми куртками, казённым кофе, старым линолеумом и тревогой. Запах тревоги у Пробуждённых имел свою химию — что-то острое, немного железистое, — и после трёх лет за стойкой Игорь её распознавал без усилий, так же, как распознавал ауры: краем внимания, автоматически, информация. В очереди сидело одиннадцать человек: двое тихонько рыдали, пожилая дама читала журнал с таким видом, будто пришла за справкой в ЖЭК и рассчитывает уйти через десять минут, а парень лет семнадцати держал телефон двумя руками и смотрел в экран, не видя ничего. Восьмым в очереди стоял человек с аурой, которая светилась не так. Аура Прозорца обычно оседает на второй–третий день, когда тело привыкает, способность находит границы, а синяя или серая пульсация выравнивается в ровное свечение — но у этого выравниваться не стала: мерцала короткими, резкими вспышками, как лампочка с плохим контактом. Игорь посмотрел на жетон — буква Z, вчерашняя дата: на вид двадцать с лишним лет, крупный, с плечами Витязя, спавший явно недолго. Людям с такой аурой лучше не ждать в очереди сорок минут. Он просидел сорок три — и только тогда встал. — Вы не понимаете, — сказал он негромко, ровным голосом — таким, какой бывает у человека, прошедшего панику насквозь и вышедшего с другой стороны, туда, где кончились силы на интонацию. — Никто из вас не понимает — вы загнали меня сюда, дали бумажку с буквой, вы... Он ударил по стойке-разделителю — металл лязгнул, стойка качнулась, пустой стул у окна съехал на полметра, а в очереди кто-то коротко, испуганно вскрикнул. Аура вспыхнула белым, горячее, почти обжигающей волной, и Игорь почувствовал её на коже — как солнечный ожог через стекло. Охранник у двери сделал шаг вперёд, рука пошла к кобуре. Игорь встал из-за стойки, вышел в общее пространство и остановился в трёх шагах от парня. — Это первый раз, когда вы чувствуете собственный предел, — сказал он. — С клеткой это путают часто. Парень смотрел на него. Аура дёрнулась ещё раз и начала оседать — не сразу, но начала. — Садитесь, — сказал Игорь. — Я вас приму следующим. Охранник опустил руку, парень сел, а кто-то в очереди тихо выдохнул — Игорь не стал смотреть, кто. Он вернулся за стойку и взял следующее дело. Мужчина напротив него рыдал уже двенадцать минут. Тридцать пять лет, широкоплечий, с руками работяги, жетоном Z на шнурке и глазами человека, который спал ровно час за двое суток, — аура у него была стандартная для свежего Прозорца, ровная серо-синяя, без скачков и тёмных затяжек по краям, и Игорь считывал её так же, как видит краем зрения уличные знаки: информация без усилий. Двенадцать минут — это немного: в октябре двадцать второго была женщина из Химок, чей муж пробудился за неделю до этого и не вернулся из первого же выхода, и она проплакала пятьдесят семь минут прямо перед стойкой, пока Игорь сидел напротив и молчал, потому что говорить было нечего, а молчать он умел — это было его оружием. — Прозорец, — повторил мужчина, справившись с собой. — Это нормально? — Двадцать семь процентов всех Пробуждённых, — ответил Игорь. — Начальный боевой уровень: малые Разломы, в группе. Есть гильдии с открытым набором. — Я могу записаться сегодня? — Можете, но запись и принятие — разные вещи: большинство гильдий рассматривают заявки три–восемь недель, и в этот период работать нельзя. — Совсем? — В официальной системе. Про неофициальную я вас не проинформирую. — Почему? — Уровень гибели в первые полгода — шестьдесят три процента. — Он дал цифре лечь на стол. — В официальной: без группы, первый год — сорок один, в группе от четырёх — восемнадцать. По Москве чуть хуже, здесь Разломы плотнее. Мужчина молчал, глядя на цифры так, как смотрят на то, во что не хочется верить, но деться некуда. — Понятно, — сказал он наконец. — Спасибо. — Пожалуйста. Повторный приём через четырнадцать дней, список аккредитованных гильдий — направо по коридору. Мужчина встал и ушёл. Игорь взял следующее дело. Следующим в очереди был Колесов. Максим Колесов,

двадцать один год, Витязь-Прозорец, пробуждение восемь дней назад — аура живая, подвижная, как у молодых Витязей бывает в первый месяц, пока тело привыкает к тому, что в него добавили, а рюкзак он держал двумя руками, чуть вперёд, как перед стартом, — Игорь заметил это ещё в очереди. — Я хочу в охотники. Самому, без гильдии — сделать имя, найти группу по ходу. Люди же так делают? — Делают, — согласился Игорь. — Давайте по математике. — Я умею считать. — Отлично. Независимый Витязь-Прозорец зарабатывает на малом Разломе восемь–двенадцать тысяч в день, из них двадцать восемь процентов — налог РПРФ, двенадцать — обязательная страховка за свой счёт, а на руки выходит около пяти с половиной в лучшем случае. Если работать пять раз в неделю без выходных и без простоя из-за закрытия Разломов, выходите примерно в ноль — до снаряжения. — Снаряжение я... — Снаряжение стоит взять. — Игорь не повышал голос. — Дальше: сорок один процент гибели у Прозорцев без группы в первый год. Если бы вы и четверо ваших друзей сделали одинаковый выбор, двое из вас не вернулись бы — данные реестра за прошлый год. Рюкзак сполз набок. — Двое из пяти — это сорок, — сказал Колесов. — Статистическая погрешность, — ответил Игорь. — Средневзвешенное по выборке. — А. — Колесов опустил рюкзак на пол, потёр ладонью затылок. — Что посоветуете? — Моя работа — регистрировать. — Игорь поставил печать. — Но если спрашиваете: «Щит» набирает Витязей до конца месяца, три недели обучения, первые три выхода — с куратором, смертность в первый год — семь процентов. Колесов встал и ушёл — без прежней лёгкости в шаге. К половине шестого поток иссяк. В кабинете пахло едой — Петрович принёс что-то в контейнере с прилипшей этикеткой «завтрак», которую он почему-то не снял к трём часам дня, и Лена прочитала ему лекцию о запахах в рабочем пространстве, а Петрович ответил ей ровно одним аргументом: он здесь восемь лет, и раньше никто не жаловался, — хотя оба знали, что это неправда, и оба это проигнорировали, потому что это был привычный фон, под который Игорь работал так же легко, как под любой другой. В пачке административных документов лежала папка из закрытого архива. Три года назад при плановой реорганизации базы данных кто-то по ошибке включил категорию «старший регистратор» в список получателей исторического архива отдела «Нить», и ошибку не заметили — потому что из девятнадцати старших регистраторов московского отделения ни один ни разу не открыл ни одного файла «Нити», а папки приходили автоматически, раз в год, не чаще. Игорь об этой ошибке не знал: он просто иногда получал такие документы и читал их, потому что три года назад дал себе слово читать всё, что попадает на стол. На обложке стоял гриф: к ознакомлению, порядок 4-В. «Историческая аномалия, действий не требует» — стандартная пометка для дел, которые не вписывались ни в одну категорию, но и тревоги формально не заслуживали: прочитай и забудь. Штамп на папке был трёхлетней давности — словно её забыли в каком-то шкафу и только сейчас нашли. Он открыл её. Нулевой Разлом. 2004 год. Подвал жилого дома, Большая Ордынка, 17. Игорь прочитал дату ещё раз. 2004 год. Первый официальный Разлом в России — 17 марта 2019 года, над Большим Устьинским мостом, и это дата из любого учебника, из любого вводного инструктажа. До неё — ничего, после — всё. Этому документу было двадцать лет. Он читал вдумчиво, с расстановкой — старая привычка историка, выученная ещё до реестра: текст говорит дважды, и второй раз всегда точнее. В правом углу обложки, под поверх-штампом РПРФ, проступало выцветшее: Управление специальных операций ФСБ России, гриф «Совершенно секретно» — кто-то из «Нити» после 2019 года прошёлся по старому документу и переформатировал его в стандарт реестра, добавил категории, выровнял структуру, вписал привычные термины, и именно поэтому эта папка выглядела как обычный охотничий отчёт и именно поэтому оказалась в общем потоке. Разлом диаметром около метра, одиннадцать дней, восемь выживших из четырнадцати — монстры не зафиксированы, аномальная активность внутри зафиксирована, характер не классифицирован, Разлом закрылся сам. Четырнадцать человек в 2004 году — не охотников, охотников тогда не существовало, как не существовало Пробуждённых, РПРФ и самого понятия Разлом. Туда отправляли сотрудни-

ков ФСБ — когда не знали, что туда отправлять. И потом — показания единственного очевидца, давшего полный отчёт, с инициалами «В.К.», без расшифровки. «Фигура появилась на третий день. Человекоподобная. Неподвижная. Стояла в центре объекта и смотрела. Не перемещалась. Не угрожала. Не производила звуков. Стояла и смотрела. Освещение внутри объекта вело себя аномально — свет шёл не оттуда, откуда должен, — черты лица определить не удалось. Но я точно помню одно. Она смотрела на меня. Не в мою сторону — как раз на меня. Как смотрит человек, который тебя знает. Животные так не смотрят. Животные реагируют на движение и на тепло. Это смотрело — и узнавало.» Игорь прочитал абзац дважды, закрыл папку и посмотрел на стол. За три года в реестре он прочитал несколько тысяч отчётов — охотники разного уровня, разные Разломы, разная добыча, разные потери, монстры убивают, монстры преследуют, монстры реагируют на группу или на одиночку, — и всё это фиксировалось с методичностью, которую государственная система умела поддерживать, когда хотела. Ни в одном из этих отчётов не было слова «узнавало». «Узнавало» задержалось. Главным была первая строка: 2004 год. Он открыл папку снова. В метро было набито, как всегда в половине седьмого, и Игорь стоял, держась за поручень, и смотрел в тёмное стекло перед собой — серые глаза, трёхдневная щетина, усталость, которая к этому часу уже была частью лица, — пока поезд шёл через тьму под Москвой, а за окном не было ничего, кроме бетона и редких служебных огней. Он думал про фигуру в Разломе, которая стояла и смотрела с узнаванием. Просто смотрела. В.К. умер через две недели после того, как дал показания: официальная причина — сердечная недостаточность, а было ему двадцать девять. Игорь вытащил телефон: по адресу Большая Ордынка, 17 в открытом реестре значилась строительная фирма, основанная в 2005 году, все пятеро учредителей — бывшие сотрудники ФСБ, а лицензия продлевалась исправно каждые три года. Жалоб нет, интереса нет — просто офис в подвале того дома. Просто офис — через год после того, как там закрылся Разлом. Поезд остановился на его станции, Игорь вышел, поднялся в январский московский холод и прошёл три квартала до дома. Придя домой, он поставил чайник, сел за стол и открыл базу данных отдела «Нить». Оказалось, таких папок было ещё четыре.

Глава 2

Раньше всех он пришёл в начале апреля двадцать второго года. Тогда ещё не было официального уведомления — только чат охотничьей группы в мессенджере, где кто-то написал «Владивосток, Северный, не выходит на связь», и этого хватало: Игорь пришёл в полпятого утра, сел в темноте и ждал, пока не настало время открыть систему и принимать документы от тех, кто приедет позже, а потом провёл за стойкой весь день. Потом он узнал, что Ольга была там. Он убрал воспоминание туда, откуда достал, — здесь и сейчас оно было бесполезным; дисциплина в том и состоит, чтобы давать им это понять вовремя. Было 6:47, охранник Семёнов поднял голову от стойки, кивнул — Игорь скользнул взглядом по его ауре: ровный серый, почти без пульсации, человек давно привыкший ни к чему не удивляться — и вошёл. Снял пальто, включил свет в кабинете. Коридор в этот час пах дешёвым дезинфектором, нагретым металлом батарей и кофе с соседнего этажа. Открыл ящик стола: папка лежала там, где он её оставил. Нулевой Разлом. 2004 год. Шесть страниц показаний. Он читал не торопясь — быстрое чтение это чтение слов, а ему был нужен смысл. Первый лист — заглавная справка: гриф «Совершенно секретно», номер дела, дата, адрес объекта — Большая Ордынка, 17, подвальное помещение, продолжительность аномалии — одиннадцать дней. В нижнем правом углу стоял штамп, нанесённый явно позже оригинала: «РПРФ/НИТЬ, входящий документ, 2021» — папку передали в архив уже после создания Реестра, и добровольно или под давлением, папка не говорила, но то, что штамп поставлен не с момента оформления дела, само по себе было информацией. Первый свидетель: оперативник ФСБ, тридцать два года, восемь лет в структурах. «Фигура появилась на третий день. Стояла в центре разлома — в точке, где показания приборов были максимальными, — и не двигалась. Человекоподобная. Тёмная. Расстояние — около двадцати метров. Черты лица неразличимы. Она смотрела на меня. Не в мою сторону — именно на меня. Как смотрит человек, который тебя знает.» Второй свидетель: оперативник ФСБ, двадцать семь лет, четыре года в службе. «Она не двигалась. Восемь дней стояла и не двигалась. Я несколько раз выходила и возвращалась. Она каждый раз смотрела на меня — не на место, где я стояла, а на меня. Отдельно.» Он отложил второй лист и взял третий, четвёртый, пятый, шестой. Шестеро — разный возраст, разный стаж, разный профессиональный словарь, но в каждом протоколе повторялся один и тот же абзац, только сформулированный по-разному: фигура смотрела на каждого из них персонально, по очереди, а не на группу и не на место, где они стояли. Шестеро разных людей вписали одну и ту же деталь в протоколы независимо друг от друга: либо все они в разное время испытали одинаковую галлюцинацию, либо фигура действительно видела их по отдельности. В двадцать четвёртом году у Игоря за плечами было три года отчётов по существам Изнанки, и ни один из них не описывал ничего подобного: кикиморы умеют копировать поведение, морок-волки вгоняют в страх, полудница задаёт вопросы до тех пор, пока не получит ответ — всё это реакции, пусть и сложные, но ни одно из задокументированных существ Изнанки не приходило ежесуточно, не стояло часами и не смотрело на каждого человека в отдельности, будто знало их имена, — если не считать существа, которое умеет думать. Он дочитал шестую страницу, перевернул — и обнаружил седьмую: нумерованную, без регистрационного штампа, только инициалы «М.И.» в конце. Кто-то вложил этот лист уже после оформления папки или до того, как её начали оформлять, — разница принципиальная. Текст написан мелко и быстро, так пишут, когда не хватает ни места, ни времени: «Оно приходило каждые сутки. В одно и то же время — около трёх часов ночи. Стояло до рассвета. Мы научились не подходить к краю разлома в эти часы — не потому что оно угрожало, а потому что очень трудно находиться рядом с тем, что смотрит на тебя так, будто ждёт. Будто ты должен что-то сказать или сделать — и не делаешь. На одиннадцатый день разлом закрылся без предупреждения. Оно не ушло. Оно исчезло вместе с разломом. Или

внутри него. Или это одно и то же.» Игорь перечитал последнее предложение ещё раз: «или внутри него, или это одно и то же». Закрыв папку и открыл рабочий терминал. Иногда, в паузах между очередями, он думал о том, как выглядело бы это место с другой стороны стойки. Рязань, май двадцать первого. Он вышел из продуктового с молоком и в течение следующих примерно двадцати секунд оказался на асфальте — Разлом над трамвайным кольцом расширился без предупреждения, не вспышкой и не звуком, просто квартал качнулся, будто кто-то на мгновение подменил физику на что-то чуть другое, а потом передумал, и волна аномальной энергии накрыла зону. Из двенадцати человек, оказавшихся поблизости, к вечеру пришли в себя все, а двое из них Пробудились. Игорь понял это через информацию: фельдшер скорой, склонившийся над ним, светился — бежевый фон, жёлтые прожилки, тревога вперемешку с профессиональной усталостью в привычной пропорции. Игорь тогда ещё не знал, что это называется Зрением Изнанки, — просто смотрел на свечение и думал, что у него, вероятно, сотрясение. Сотрясения не было. В РПРФ ему присвоили ранг Нечуй, класс — Некласс, с единственной задокументированной способностью: Зрение Изнанки, пассивное, — он видел ауры Пробуждённых и истинный облик монстров там, где обычный человек видел только темноту, но не имел ни физического усиления, ни боевых навыков. В официальном документообороте напротив ранга Нечуй стояла отдельная строка: «боевой ценности нет» — редко когда казённая формулировка бывает настолько точной. Пять гильдий — пять отказов. В «Авангарде» хотя бы взяли на собеседование — судя по всему, чтобы убедиться лично. — Способность следопыта, — вербовщик листал дело, не глядя на Игоря. — Нам как раз следопыты нужны, но... — он помолчал, перевернул страницу, — берём с Ведуна. Страховочный риск. Вы, наверное, понимаете. Игорь понимал. В «Родине» прислали автоматический отказ, а в трёх других — примерно одно и то же: вежливое разочарование, иногда неловкий совет насчёт вспомогательных должностей, и подтекст, который Игорь читал в аурах без труда: Нечуй с одной пассивной способностью — это балласт, с тебя нечего взять. Шесть недель спустя он сидел напротив начальника кадрового отдела московского РПРФ — человека лет пятидесяти пяти, с аурой серо-голубой, ровной: привыкший работать без лишних эмоций. — Пробуждённый историк, специализация — восточнославянская мифология, — кадровик смотрел в экран. — Аспирантуру бросили? — Да. — Причина? Правдивый ответ занял бы несколько минут: он включал в себя март девятнадцатого, первый Разлом над Москвой и семинар на кафедре, с которого Игорь ушёл в середине занятия, потому что стало очевидно, что диссертация о сакральной географии восточных славян только что перестала быть академическим упражнением, — и пустой коридор факультета, по которому он шёл и думал, что аспирантура это вопрос «что было», а то, что происходит снаружи — это вопрос «что есть». Второй вопрос был интереснее. — Изменились обстоятельства. — Ясно. — Кадровик наконец оторвался от экрана. — Пробуждённый получает расширенный допуск к базам. Историк умеет работать с документами. Нас устраивает. Вас? — Да. Он вышел из кабинета с трудовым договором в руках, не пытаясь анализировать, что именно чувствует: иногда лучше просто зафиксировать факт — через три дня он сядет за стойку, и это будет не то, что он представлял себе три года назад, читая первоисточники по Нави в читальном зале МГУ. Зато теперь он читал другие источники. Одна ошибка в правах доступа при реорганизации базы данных открыла ему отдел «Нить» — полностью и сразу, и он не сообщил об этом никому: три года читал, каждый рабочий день, в промежутках между очередями и документами, — сначала из любопытства, а потом это стало чем-то другим, для чего он пока не подбирал слова. Папка с Нулевым Разломом была одной из первых, до которых он добрался, и одной из немногих, которую он перечитывал. Запрос к базе по Разломам Мора занял четыре минуты: у запроса были пределы допуска, координаты Разломов Мора входили в частичный доступ, а уровень потерь — уже нет. Он работал с тем, что было. Одиннадцать Разломов Мора за пять лет: три — с неполными данными (закрытые территории, сибирские участки, сведения обрезаны по административному контуру района), восемь — с конкрети-

кой. Он взял карандаш и начал ставить точки на бумажной карте — медленнее программного инструмента, но точнее: рука замечает то, что глаз пропустит на экране. Первые четыре — рассеянные, ничего; пятая и шестая легли близко; седьмая — Якутск; восьмая — Астраханская область. На девятой точке он остановился, положил карандаш, посмотрел на карту и взял линейку. Девяносто минут спустя в кабинете пах холодный кофе. На карте — восемь дуг и девять точек, лежащих на этих дугах с точностью, которой не бывает у случайных событий, не бывает у стихийных бедствий; у природных аномалий встречается кластеризация, да, — но с такой геометрией, с таким шагом. Игорь был историком по образованию, не математиком, но история — это работа с пространством и временем одновременно, а три года в реестре добавили к этому статистику и карты. В реестре эти места значились как точки Разломов Мора. Для него — как совсем другие места: из диссертации, которую так и не защитил, из семинарских работ по сакральной географии восточнославянского пространства, из карт, которые тогда накладывались на другие карты — мифологические, фольклорные, топонимические, — места, где барьер между мирами исторически был тонким, там, где Навь подходила ближе к Яви, если верить источникам, которым он верил с оговорками: как любой нормальный историк, делал скидку на жанр. Он снова взял карандаш и быстро, пока держала та часть памяти, которая три года хранила незащищённую диссертацию, вписал рядом с точками: Якутск — Ленские столбы. Сакральное место эвенкийской и якутской традиции. Астраханская область — устье Волги. Нижний мир в восточнославянской традиции. Навь собирается у воды. Два имени — он написал их и остановился, посмотрел на остальные семь точек. Карандаш так и остался в руке. Девять точек на карте, геометрически точных.

Глава 3

На третий день после того, как он нашёл папку, в семь сорок восемь утра на экране рабочего терминала мигнул красный значок — он работал с четырёх, и кофе из автомата к этому часу успел остыть, что было закономерно, поскольку горячим он и так не был. Игорь посмотрел на значок, потом на карту, лежавшую в ящике стола — карандашные дуги, девять точек, пометки на полях, — потом снова на экран: тревожное уведомление РПРФ не мигало для красоты. Он открыл его: Лабиринтный Разлом, класс 3, адрес — Замоскворечье, Большая Серпуховская, район жилого квартала у второго двора, расстояние до ближайшего аккредитованного Пробуждённого с действующим служебным пропуском — четыреста метров, задача — прибыть на место, обеспечить передачу координат группе МЧС, застрявшей у оцепления. Козлов И.А. — ближайший. Он посмотрел на карту ещё раз, на девятую точку, на адрес в уведомлении, закрыл её в ящик, надел куртку и взял ламинированный пропуск со стойки — тот самый, который три года пролежал в кармане пальто без единого применения в полевых условиях, — и вышел. Охранник Семёнов проводил его взглядом и ничего не сказал. Оцепление выставили быстро — МЧС в Замоскворечье работало без лишних движений, потому что Замоскворечье давало практику, а местные прозвали этот квартал «Дыроватым» по причине прагматичной: Разломы здесь появлялись с частотой, позволявшей жильцам нижних этажей держать тревожный чемодан у двери, аренда — на сорок процентов ниже среднегородской. Игорь предъявил пропуск, его пропустили, и дежурный офицер — капитан, широкоплечий, с планшетом в руках и выражением человека, который сегодня уже третий раз объясняет одно и то же разным людям, — показал схему эвакуации. Три красных коридора на листе: первый — через подвальный переход под первым двором, второй — через лестничную клетку Б (третий этаж), третий — наружный, по внешней стене здания. Две группы выживших гражданских внутри; охотничья группа вошла двадцать минут назад, связь потеряна. Игорь взял схему и посмотрел на Разлом. С улицы он выглядел как чёрный провал в воздухе над вторым двором — матовый, с плавными краями, как разрыв в ткани, без мерцания, без серебра. Класс — лабиринтный; РААНИ официально называла такие «структурно нестабильными», а неофициально — «везёт, если выйдешь». Зрение Изнанки включалось без усилий — три года с пометкой «пассивное», оно было как боковое зрение, как различение запахов, — и Игорь смотрел на Разлом и видел то, чего не было на листке с тремя красными коридорами: аномальная энергия шла по конкретным руслам — сконцентрированная, направленная, как кровь по сосудам, — и запах у неё был металлическим, почти железным, насыщенным. По тем самым трём коридорам. Игорь посмотрел на схему. Монстры используют энергетические концентрации как охотничьи тропы — это было в базовом учебнике РПРФ, который он прочитал в первый рабочий месяц: высокая плотность аномальной энергии означает высокую концентрацию тварей, и три тысячи отчётов, которые он лично видел, подтверждали это. Группы выживших вели прямо к этим потокам. — Три коридора, — Игорь указал на схему. — Все три идут по зонам максимальной концентрации энергии. Там сейчас — Козлов? — Офицер посмотрел на пропуск, потом на Игоря. — РПРФ, связной. Значит, данные по зрению — субъективная оценка, без верификации. — Он забрал схему. — Передайте охотникам, когда выйдут, и отойдите за ленту. — А если не выйдут до того, как гражданские пойдут этим маршрутом? Офицер убрал планшет под мышку. — За ленту, пожалуйста. Игорь посмотрел на чёрный провал над вторым двором. Из семисот сорока трёх охотников, которых он зарегистрировал за три года, Лабиринтные Разломы убивали шестьдесят процентов входящих — и шестьдесят процентов здесь это люди с регистрационными карточками, которые он сам оформлял. Он снял ламинированный пропуск с шеи и отдал его сотруднику у ленты. — Если через двадцать минут не выйду, отдайте в РПРФ. — Он вытащил из внутреннего кармана карту — карандаш, девять точек, дуги. — Это тоже. —

Вы не можете войти без— Он уже шёл. Не из героизма — у него была информация, которой не было ни у кого другого на этом оцеплении, и эта информация была существенной для людей внутри: он был историком, а историки работают с источниками — первичными, если есть возможность. Порог Разлома — без эффектов, без вспышки, без звука: просто один шаг — воздух как воздух, асфальт как асфальт, январское серое небо над головой, — и следующий шаг, где воздух уже не такой: холоднее, плотнее, пахнет чем-то, для чего у русского языка нет точного слова — где-то между мокрым камнем, старым деревом и тем, как пахнет страх, когда он уже прошёл и осталось только то, что было после него. Здание изнутри Разлома было тем же зданием, что снаружи — и не тем же: стены стояли правильно, лестничные пролёты — нет, коридор, который должен был вести налево к первому подъезду, вёл прямо в стену, заросшую чем-то тёмным и влажным, а коридор, которого на плане вообще не было, вёл куда-то вниз. Геометрия Разлома переставила здание, как ребёнок переставляет кубики — все блоки на месте, логика сборки утеряна. Зрение Изнанки здесь давало больше, чем снаружи: тёмные жилы тока, уходящие в глубину по трём основным коридорам, — и он шёл в обход них, вдоль стен, где концентрация была низкой, где твари не охотились, потому что охотиться было не за кем. До первых выживших добрался через шесть минут. Семь человек в угловой части, которая когда-то была подвальным складом: пожилая женщина, двое подростков, мужчина лет пятидесяти в робе коммунащика и ещё трое, — живые, перепуганные, в полной темноте, потому что единственный фонарь сел полчаса назад. Игорь включил фонарик на своём телефоне. — Вы идёте вот здесь, — он показал. — Вдоль этой стены до конца, потом прямо, потом первый левый поворот, там будет проход — он выглядит заложённым кирпичом, но это иллюзия Разлома, просто идите. Выйдете в первый двор, там оцепление, и не останавливайтесь в коридорах. — А там нет этих... тварей? — спросил коммунащик. — По этому маршруту сейчас нет, поэтому не останавливайтесь. Пожилая женщина что-то начала говорить, потом махнула рукой. — А вы? — спросил коммунащик. — Я ещё не всё проверил. Они ушли — семь тёмных силуэтов в коридоре, уменьшавшихся, пока не стали точками, а потом настала тишина — тишина Лабиринтного Разлома, в которой что-то двигалось: ощутимо, как давление в ушах перед грозой, без видимых следов и без звука. Он развернулся и пошёл дальше — не в сторону выхода. Первое тело он нашёл у поворота. Женщина, ранг Кудесник по нашивке на рукаве — опытный охотник, не новичок, — гибель свежая, может быть полчаса. Он проверил пульс — формальность, не надежда, — пульса не было. Он выпрямился, запомнил лицо: позже он найдёт её регистрационную карточку в реестре и внесёт отметку. Вторая охотница лежала в десяти метрах дальше — живая, без сознания, с рассечением на виске: черепно-мозговая, возможно, дыхание ровное, хотя и частое. Он снял с себя шарф и перевязал как мог. Второе тело лежало у стены, у самого конца коридора, там, где пространство Разлома перестало притворяться зданием и стало чем-то другим: коридор расширился в нечто, похожее на двор, только небо над ним было тёмным, темнее ночи, без звёзд, а аномальная энергия здесь была плотной, как вода в глубоком омуте, — Зрение Изнанки почти не справлялось, она давила со всех сторон, кисловатой тяжестью на языке, на барабанных перепонках, на коже. Молодой, едва двадцать лет — регистрационная карточка торчала из кармана куртки, белая, ламинированная, с синим логотипом РПРФ. Игорь нагнулся и прочитал. Сенин Артём Николаевич. 20 лет. Ранг Прозорец. Класс: Витязь. Второй месяц практики. Он помнил эту регистрацию: три месяца назад Сенин пришёл с другом, оба Витязи, оба нервничали так, как нервничают молодые Пробуждённые, которые уже знают статистику, но ещё не верят, что она про них, — и Артём тогда посмотрел на карточку с рангом Прозорец, на Игоря, и сказал: «Ничего, догоню», — с такой абсолютной уверенностью, что Игорь, ставя штамп, подумал: этот выживет. Как правило, он не помнил отдельных посетителей — статистику, категории, схемы, не лица. Этого он запомнил. Он выпрямился: перед ним была задача с двумя переменными — охотница без сознания в десяти метрах позади и мёртвый двадцатилетний Витязь у его ног, — и он начал просчитывать маршрут: сначала живая, потом

— Существо было в конце псевдодвора — просто не было секунду назад, и стало, как бывает в Разломах с тем, что хорошо понимает геометрию этого пространства. Лицо — с чертами и пропорциями, правильно выученное, как язык, усвоенный по грамматике: построенный без ошибок, и именно поэтому неродной. Тело двигалось иначе: три года работы с аурами давали Игорю точность восприятия, и в биомеханике было что-то смещённое, трудно поддающееся словам, — достаточно, чтобы живот подал сигнал раньше, чем голова успела его сформулировать. Существо смотрело прямо на него — с пятнадцати метров. В голове Игоря всплыло — автоматически: «Она смотрела на меня. Не в мою сторону. Именно на меня. Как смотрит человек, который тебя знает.» Показание первого свидетеля. Нулевой Разлом, 2004 год. «Оно смотрело — и узнавало.» Он не двигался, существо не двигалось — между ними было пятнадцать метров. Игорь был — он сам это отметил — совершенно спокоен: информации хватало на многое, только не на это. Это тоже информация. Существо сдвинулось в сторону, под углом — обходило бессознательную охотницу позади, уходило дальше, туда, откуда доносился едва слышимый звук шагов. Семь гражданских всё ещё были в коридорах. Игорь шагнул вперёд и встал поперёк. Семь человек без боевых способностей в лабиринте против существа, которое только что убило охотника ранга Кудесник — арифметика, которая не требует храбрости. Бой длился меньше десяти секунд — и Игорь запомнил из него только запах горелого и тупой удар в плечо. Существо ударило один раз, и Игорь прошёл сквозь перегородку из гипсокартона — она оказалась не несущей, что было единственным везением в этот момент, — и приземлился на спину: что-то в левом предплечье сообщило ему о положении дел с такой точностью, что никакой дополнительной диагностики не требовалось. Он лежал на полу, а над ним — трещина в потолке и пыль с гипсокартона, оседавшая, как снег. Существо подошло и встало над ним, посмотрело снова тем же взглядом — без угрозы, без охоты, без оценки противника: что-то другое. Игорь смотрел на него снизу вверх и думал быстро, как умел, — и вдруг нашёл слово: ожидание. Оно ждало чего-то в нём. Потом что-то изменилось в нём самом. Что-то начало разворачиваться — медленно, с трудом, как жернов после долгой неподвижности, и неотвратимым было само начало этого движения. Что-то, что было в нём с 2021 года — с того дня на рязанском перекрёстке, когда волна аномальной энергии накрыла квартал и из двенадцати человек двое проснулись, — повернулось. Конкретно — тепло, без жара и без огня, такое, как узнавание, как возвращение в место, которое знало тебя раньше, чем ты успел о нём узнать. Существо сделало один медленный шаг назад — как делает человек, получивший то, за чем пришёл. Игорь смотрел на Артёма Сенина, на тело у дальней стены, на регистрационную карточку в кармане куртки — он не знал, что делает, он знал только, что делает это. Что-то пошло из него наружу — без звука, без света, без движения рук, — то, у чего не было имени ни в одном живом языке, хотя позже он будет называть это словом «зов», потому что другое слово не подберётся. Оно прошло через пол, нашло Артёма Сенина — холодного, мёртвого, двадцатилетнего — и позвало. Артём Сенин сел — медленно, механически в первую секунду, потом уже сам: голова поднялась, глаза открылись — и по краям радужки было слабое, едва заметное серебряное свечение, такое, что можно было принять за отблеск и не принять только потому, что отблеску было неоткуда взяться. Он посмотрел на Игоря. Выражение лица было у человека, которого разбудили слишком рано — из сна слишком глубокого, из места слишком далёкого: растерянное, чуть обиженное, живое. — Ты... зачем ты меня позвал? Игорь лежал на полу, в пыли от гипсокартона, в Лабиринтном Разломе под Замоскворечьем. Существо исчезло — когда именно, он не мог сказать: оно не было больше в комнате, может быть, ушло в момент, когда повернулось то, что повернулось, а может быть, дождалось того, чего ждало. А потом — голос, глубже, чем уши, в том самом месте, которое только что открылось. «Опоздал.» Долгая пустота — такая, какую делает человек, когда хочет, чтобы сказанное дошло прежде, чем говорить дальше. Потом: «Ничего страшного. Навь умеет ждать.» Игорь Козлов смотрел на Артёма Сенина, который сидел у стены в двух минутах после своей смерти и держал в правой руке соб-

ственную регистрационную карточку — рука закрылась рефлекторно, потому что тело иногда заканчивает то, что не успело. Он думал несколько вещей одновременно: нужно разобраться в том, что только что произошло — методично, с источниками, без торопливых выводов; за стеной бессознательная охотница; в кармане карта с девятью точками, и одна из них — здесь. И ещё: интонация голоса, который сказал «опоздал», была скорее информативной, как у регистратора с датой, без укора. — Ты собираешься отвечать? — Артём хмыкнул, кажется, неожиданно для самого себя. — Руки холодные. Это нормально вообще? — Он посмотрел на Игоря. — Там что-то происходит, чувствую. — Да, — сказал Игорь. — Дай мне секунду. Он встал, без опоры на левую руку — та уже сообщала ему с полной определённости, что опираться на неё в ближайшее время не следует. — Там ещё один человек, — сказал Игорь, — за той стеной, без сознания. Нам нужно её вынести. Артём посмотрел на свои руки, на карточку в правой, на Игоря, потом встал — легко, без усилия, с той точностью движений, которой не бывает у людей, только пришедших в сознание после удара. — Хорошо, — сказал он. — Показывай. Охотница лежала там, где Игорь нашёл её. Артём поднял её без видимого усилия — Витязь есть Витязь, это, по всей видимости, не зависело от формального состояния сердца, — и перекинул через плечо. Игорь не комментировал: некоторые вещи лучше принимать как данность. Они шли по коридорам Разлома, которые менялись вокруг них не торопясь, почти незаметно — как стрелки часов, — и Игорь видел энергетические потоки и вёл их вокруг, пока Артём шёл рядом молча: сосредоточенно, с тем вниманием, с которым делают незнакомую, но важную работу. Через семь минут они вышли наружу. Оцепление встретило их так, как оцепление всегда встречает людей, вошедших без санкции и вышедших с двумя посторонними вместо одного, — облегчением наполовину с раздражением, смесью, которую МЧС предъявляет лучше любого другого ведомства. Офицер смотрел на Артёма Сенина. Артём смотрел в сторону — туда, где за жёлтой лентой стояли случайные зеваки, спокойно и рассеянно, как человек, который оказался в незнакомом городе и пока разбирается, в какую сторону смотреть. — Это кто? — спросил офицер. — Охотник. Он был внутри. Правда — просто не вся. Игорь взял свою карту обратно у сотрудника у ленты. Развернул, посмотрел на девятую точку. Девять точек на карте. Восемь из которых он знал по имени. Девятую — теперь знал изнутри.

Глава 4

Гречка закончилась в половине восьмого. Игорь поставил ещё одну кастрюлю — вторую за утро — и вернулся за стол: Артём Сенин сидел напротив. Двадцать лет, ранг Прозорец, второй месяц практики. Вчера вечером — тело в псевдодворе Лабиринтного Разлома, регистрационная карточка в кармане куртки, шея под неправильным углом; сегодня утром — живой человек за кухонным столом, изучающий собственные руки с выражением крайней сосредоточенности. Руки были обычными — левая с мозолями у оснований пальцев, правая чуть разрабатаннее, — и он рассматривал их так, будто ожидал объяснений, которых они дать не могли. — Они тёплые, — сказал Артём. — Хорошо. — Нет, я имею в виду — они такие же, как раз такие: царапина на среднем пальце — та же, что была в четверг, я ещё думал, надо бы перебинтовать, не успел. — Он поднял голову. — Я думал, будет что-то другое — другое ощущение. — Точнее? Артём помолчал. — Не знаю, просто думал, что это будет заметнее. Что-то принципиально заметное было бы проще: проще объяснить, проще документировать, проще предъявлять тем, кому придётся предъявлять. У Игоря не было опыта с Восставшими — ни профессионального, ни человеческого: три года отчётов не заменяли первого утра на кухне, когда человек, которого ты вчера вечером наблюдал мёртвым, ест гречку и рассматривает собственные руки. Всё, что он знал из отчётов, сводилось к одному: у Восставших труднее всего поддаётся документированию то, что в них не изменилось. Гречка закипела, и он встал, убавил огонь. — Я помню гречку дома, — сказал Артём вдруг, без вступления. — Мама варила с луком, я ненавидел лук до двенадцати лет. — Он посмотрел в тарелку. — Сейчас, наверное, поел бы с луком. — Лука нет, — сказал Игорь. — Знаю. Просто, — он пожал плечами, — вспомнилось. Артём говорил без интонаций, которые требуют реакции: просто констатация, без претензий — как человек, привыкший обходиться тем, что есть. Игорь наложил гречку, поставил тарелку и сел напротив. За окном — угол соседнего корпуса и низкое серое небо. Первые несколько минут они ели молча. Существо ушло раньше, чем Игорь поднялся, а потом — боковым зрением: движение там, где движения не должно быть. Артём Сенин сидел там же, где упал, упёршись руками в пол, с видом человека, проснувшегося на нижней полке поезда, — смотрел на свои руки, потом поднял голову. — Ты... зачем ты меня позвал? — Встать можешь? — спросил Игорь. — Да, — сказал Артём и поднялся. Они вышли из Разлома в одиннадцать сорок три вечера — Игорь засёк время, привычка сильнее самоконтроля. Оцепление ещё держали; офицер с планшетом посмотрел на него, потом на Артёма, потом сказал что-то в рацию и больше ничего не сказал вслух — умный офицер: видел достаточно, чтобы молчать. В скорую их взяли обоих: Игорю наложили шину на предплечье — перелом лучевой, без смещения, гипс через сутки, — а Артёму измерили давление (сто двадцать на восемьдесят восемь) и температуру (тридцать шесть и шесть), пока врач писала что-то в карте с выражением человека, который давно научился фиксировать то, что не укладывается, не останавливаясь для объяснений. В скорой Артём достал из кармана регистрационную карточку — молча, без пояснений — и положил Игорю на колено. К часу ночи стало ясно, что везти Артёма некуда: де-юре он был мёртв — комната в общежитии гильдии «Северный» считала его потерянным, мать в Екатеринбурге — вне реестра РПРФ, и ни один из этих адресов нельзя было использовать в ближайшие часы без вопросов, на которые Игорь не знал ответов. Он дал Артёму свой адрес. — Я помню всё, — сказал Артём, когда они почти добрались до второй кастрюли. — Просто говорю, чтобы вы понимали. — Хорошо. — Как вошли в Разлом, как Соня — Фролова, командир, ранг Кудесник — крикнула «отходим» и не успела, как я пошёл левее, к коридору, и там уже... В общем, быстро. А потом — ничего. — Совсем ничего? — Абсолютно. Артём произнёс это без удивления и без ужаса — просто факт. — Ничего не было, совсем ничего. А потом голос — ваш, я не разобрал слов, и — вот. Игорь слушал — три года за регистра-

ционной стойкой научили: когда человек говорит, молчи и дай ему договорить, потому что прерывание стоит дороже терпения. — Смерть — конкретная штука, — сказал Артём. — Это я теперь знаю точно: там не было ничего лишнего. — Это... облегчает? — Нет, но успокаивает — это разные вещи. Игорь промолчал. Облегчение и спокойствие — не одно и то же, он знал это достаточно давно. Гречка на плите забурлила. Игорь встал, убавил огонь и вернулся к столу. — Вы работали регистратором три года, — сказал Артём, не спрашивая. — Да. — Вы помните меня, сказали об этом вчера, когда выходили. — Помню. — Вы помните всех? — Нет. Артём смотрел на него. Помолчал. Потом: — «Ничего, догоню» — я это сказал тогда, про ранг. Вы помните? — Помню. — И думали, что выживу. Другой сказал бы: статистическая оценка, общая картина; Игорь ответил честно: — Да. Думал. Артём качнул головой — коротко, принимая информацию к сведению. — Значит, я тоже ошибся, — сказал он. — Буду знать. Игорь смотрел на него: прямо сидит, без лишнего напряжения, двадцать лет — и уже такая привычка собираться без чужой помощи. С Артёмом не нужно было переводить, и Игорь это запомнил. Голос появился в девять двадцать два, когда Игорь мыл посуду, — изнутри, там, где голосов вообще не бывает: как если бы что-то включило передачу внутри черепной коробки, чётко, без помех, без предупреждения. «Первое воскрешение завершено.» Игорь не выронил чашку, поставил её на сушилку и взял следующую. — Слушаю, — сказал он вслух, тихо. «Один из трёх. Расстояние допуска — практика установит сама.» — Практикой, — уточнил Игорь. «Да.» Голос был информационным: без спешки, без диалоговых интонаций — как у того, кому торопиться незачем. — У меня вопрос, — сказал он. Голос молчал; Игорь чувствовал, что его слышат. — Артём Сенин: он был мёртв, теперь — нет. Это обратимо? Голос молчал дольше обычного, и Игорь краем улавливал — иначе, чем с живым существом, — что пауза осмысленная, что разница здесь между «не знаю» и «это непросто». «Не в том смысле, который тебя беспокоит.» — Он может снова умереть? «Да. Навь его теперь знает: второй раз пройдёт иначе.» — Иначе — это значит? «Это значит иначе. Практика объяснит точнее слов.» Снова — тот же отказ от избыточного объяснения: честные границы того, что можно сказать словами. Игорь, при всём отсутствии поводов доверять бестелесному голосу в утренней кухне, почувствовал нечто похожее на уважение. — Ещё один вопрос, — сказал он. «Слушаю.» — Кто ты? Самая длинная пауза из всех; Игорь ждал. «Тот, кто ждал долго.» Игорь на секунду остановился над раковиной, потом продолжил мыть посуду. — Хорошо, — сказал он. — Пока достаточно. Голос замолчал, но Игорь чувствовал, что присутствие никуда не делось — ровное, без спешки. Он вспомнил слова с прошлого вечера: «Навь умеет ждать.» Теперь понимал их лучше. Артём стоял в дверях кухни. — Вы с кем-то разговаривали? — С собой. Полезная привычка. — Вы часто так? — Нет, начал сегодня. Артём смотрел на него — с той же методичной сосредоточенностью, с которой изучал руки, — потом дёрнул подбородком. — Мне нужно позвонить маме, — сказал он. Игорь помолчал секунду: мать в Екатеринбурге, скорее всего, ещё не знала ничего, но в реестре стояла отметка, а уведомление о гибели уходит по последнему известному адресу, — так что звонок с телефона погибшего в Екатеринбург в девять тридцать утра следующего дня был определённой логистической проблемой. — Пока — нет, — сказал Игорь. — Почему. — Мы не знаем, как это объяснить, а пока не знаем — лучше не начинать. Артём смотрел на него. — Она будет думать, что я умер. — Реестр уже внёс отметку, она получит уведомление сегодня, если не получила ночью. Это было жестоко, и Игорь знал это — смягчённый факт всегда потребует большей работы потом. Артём посмотрел в окно, на серое небо над соседним корпусом, и помолчал. — Ладно, — сказал он наконец. — Пока нет. Игорь запомнил: когда Артём говорит «ладно», это «принял к сведению» — и не более. — Я не могу оставаться здесь долго, — сказал Артём. — Нет. — Игорь взял пальто с вешалки. — Но сегодня — можете. — Что будет завтра? — Пока не знаю. — Он нашёл ключи. — В квартире есть еда: гречка, макароны, консервы, кофе растворимый, но лучше, чем в автомате на работе. Я вернусь около шести. — Вы идёте на работу? — спросил Артём. — Да. —

Сейчас? — Через двадцать три минуты. Опоздание без уважительной причины — выговор, а перелом предплечья является уважительной причиной, но я не госпитализирован, что осложняет документирование. — Бюрократия, — сказал Артём, без особого выражения. — Да. — И не открывайте реестровый портал, — сказал Игорь уже в дверях. — Там стоит ваша отметка, а читать про себя в третьем лице — это другое. — Я знаю, что я там стою. — Знаете — и всё же. Он вышел и закрыл дверь. На лестничной клетке Игорь остановился: в квартире было слишком тихо. Он обернулся — дверь закрыта, за ней пустая тишина — и вернулся. Кухня была пуста, гречка на плите остывала. Артём исчез — дверь одна, и за те несколько секунд уйти было физически невозможно. Игорь прислушался к Зрению Нави — пустота, ни следа, ни ауры. Три минуты он ждал у окна, потом Артём появился на том же стуле, где сидел, — обычный, с теми же руками, с той же царапиной на пальце. — Где ты был? — спросил Игорь. Артём подумал. — Там, где тихо, — сказал он, и больше ничего не добавил. На лестничной клетке было холодно — батареи уже включили, но воздух в подъезде не спешил меняться, — и Игорь спускался медленнее обычного: после геометрии Лабиринтного Разлома было приятно идти по лестнице, которая просто оставалась лестницей. Улица встретила его плотным январским воздухом и светом, которого было ровно столько, сколько нужно для нормальной видимости и не больше. Он шёл к метро, придерживая руку в шине, и думал о том, что предстояло объяснить Воронцовой.

Глава 5

Людмила Воронцова встретила его у входа в корпус А в восемь сорок шесть утра с видом человека, который пришёл на работу заранее с этой целью. — Без смещения. — Вы числитесь в реестре выхода на оперативное задание в двадцать три сорок три. Назад — без гипса. — Гипс назначен на сегодня, медицинская справка есть. Воронцова посмотрела на его руку. — К девяти — ко мне, — сказала она. — И принесите всё, что у вас есть по вчерашнему. Воронцова никогда не говорила «пожалуйста» в тоне приказа: она считала, что «пожалуйста» обязывает адресата к согласию и тем самым вводит в формулировку риторическое допущение, которого там нет. Игорь был с ней согласен. В кабинете у Воронцовой было пять папок на подоконнике, одна на столе и одна уже открытая перед ней — эта, судя по дате на обложке, появилась сегодня ночью, — а РПРФ работало круглосуточно только по двум поводам: внезапный Разлом в зоне жилого квартала и нечто настолько нестандартное, что система не знала, в какую графу его вносить. Вчерашнее было вторым. — Артём Сенин, — сказала Воронцова, не поднимая взгляда. — Охотник, ранг Прозорец. Зарегистрирован три месяца назад. Отметка о гибели — вчера вечером, двадцать два ноль пять. Потом — запись об изъятии отметки. Потом — запись о приостановке изъятия. Потом три запроса из медицинского блока, два из юридического и один из... — она сделала паузу, — из архива. — Из архива? — Кто-то хотел найти прецедент. — Воронцова наконец подняла взгляд. — Не нашли. Прецедентов не было — Игорь знал это лучше кого-либо в этом здании: три года он просидел в двух коридорах от архива «Нити» и знал его достаточно для одного вывода — всё там хранилось по теме «аномальные состояния», либо с грифом «закрыто», либо с пометкой «не верифицировано», и ничего применимого к живому человеку, который вчера ночью был мёртвым. — Юридический отдел нашёл что-нибудь? — Форму 7-Б. В голосе Воронцовой появилось что-то за пределами стандартного репертуара — суше и плотнее обычного. — Форма для ситуаций, в которых правовая категория субъекта изменяется в результате аномального воздействия. Заводится на Пробуждённых, у которых меняется ранг или класс вне стандартного тестирования. — То есть она предназначена для живых людей. — Предназначена для живых людей, — повторила Воронцова. — В ней нет графы «характер изменения». Есть графы «дата изменения», «заверяющий сотрудник» и «прежнее состояние». Под «прежним состоянием» у Сенина будет: жив, ранг Прозорец, класс Витязь. Под новым — юридический отдел пока оставил поле пустым. Игорь смотрел на стол, на папку, на поле для подписи. — Они хотят, чтобы я заполнил «прежнее состояние» или «новое»? — Оба. Вы — ближайший Пробуждённый с действующим пропуском, находившийся на месте. Вы — регистратор с правом первичной обработки. — Воронцова выдержала секунду. — И вы, по всей видимости, единственный человек в этом здании, который понимает, что именно произошло. Это было точно, и это, судя по тону, её не радовало. — Я заполню, — сказал он. — Хорошо. — Воронцова закрыла папку. — После тестирования. — Какого тестирования? Воронцова посмотрела на него — вопрос был из тех, где ответ вслух только мешает. — Козлов. Вчера вечером вы вошли в Лабиринтный Разлом 3 без санкции, вывели двух человек, один из которых по реестру числился погибшим — и вышли с переломом предплечья и классификацией «некласс», которая перестала соответствовать действительности. Это тестирование. Тестирование в РПРФ делилось на три уровня: первичное — для новых Пробуждённых; плановое — раз в год, стандартная процедура; и внеплановое — для случаев, когда реестровая запись переставала совпадать с наблюдаемой реальностью. Специалист по тестированию — Сергеев, полноватый, с манерой объяснять очевидное дважды — встретил его в кабинете 112 с видом человека, которому за ночь передали задание без достаточных инструкций. На столе лежали три стандартных прибора, а рядом — два нестандартных, которых Игорь раньше не видел: один похожий на детектор аур повышенной чувствительности, второй — с экраном, на

котором пульсировал тёмный контур. — Ваш класс по реестру — некласс, — сказал Сергеев. — Мы будем использовать расширенный протокол. — Хорошо. — Некоторые способности, связанные с некромантической классификацией, требуют присутствия... — он сделал паузу, — биологического материала. Игорь посмотрел на него. — Это значит, что мне нужен труп? — В соседней комнате находится образец аномальной биомассы из архива Изнанки, — сказал Сергеев, и что-то в его интонации указывало на то, что «образец» — не лучшее слово, но лучшее из доступных. — Если потребуется демонстрация. Демонстрации не потребовалось. Сергеев включил детектор аур — и прибор показал то, что и должен был показать в присутствии активной Системы Нави: аномальное присутствие, не совпадающее ни с одной стандартной категорией. Тёмный контур на экране пульсировал ровно — как дыхание чего-то, что не нуждается в спешке. Процедура заняла сорок семь минут. Итог: Козлов Игорь Андреевич, класс «некромант» — официальный статус класса в классификации РПРФ не существует, де-факто существует, впервые задокументирован, подлежит отдельному нормативному акту, который будет разработан в сроки, которые Сергеев деликатно не назвал. — Ранг — тоже нестандартный, — добавил он. — Энергетические показатели не укладываются в шкалу от Ω до А. Поставим пометку «некласс ранга» до дополнительной верификации. — Понятно. Он вышел из 112-го кабинета в десять пятнадцать и пошёл обратно к своей стойке — той самой, у которой три года регистрировал других людей. Некласс ранга, некромант — номенклатура менялась, сама работа нет. Коридор РПРФ ничем не отличался от любого другого административного коридора в здании, кроме одного: сотрудники в нём двигались иначе, чем вчера. Не все — большинство шли как обычно, с папками, с кофе, с выражением людей, которым есть чем заниматься и которые предпочитают заниматься как раз этим. Но некоторые оглядывались: вслед, или чуть раньше, чем он проходил мимо, или чуть позже. Тамара из отдела контроля лицензий посмотрела прямо — спокойно, как смотрят на незнакомое явление, которое тебя лично пока не касается — и кивнула. Игорь кивнул в ответ. Владимир из архива — молодой, второй год — прошёл мимо, не замедляясь: только направление было чужое, в противоположную сторону от его кабинета. Охранник Семёнов стоял у турникета и, когда Игорь проходил, окликнул его: — Козлов. Вчера — правильно сделали. Игорь остановился. — Что сделал? — Вошли. — Семёнов смотрел прямо. — У меня племянник — охотник, ранг Ведун. Рассказывал про Лабиринтные. Вошли правильно. — Спасибо, — сказал Игорь. Другого слова не нашлось — это оказалось точным. К полудню он заполнил Форму 7-Б в части, касающейся Сенина: в графе «прежнее состояние» написал — жив, ранг Прозорец, класс Витязь, второй месяц практики, в графе «новое состояние» написал — жив, и поставил точку. Снизу приписал: характер изменения — см. приложение. Приложение написал отдельно, на трёх страницах, с датами и временными отметками, без интерпретаций и без попыток назвать то, для чего ещё нет слова в официальных реестрах. Воронцова прочитала три страницы без выражения на лице, потом подписала форму. — Куда это отправить? — спросил Игорь. — Пока никуда. — Воронцова взяла карандаш и, не глядя, положила его обратно. — Я запрошу юридический отдел насчёт нормативного акта. — Козлов. В реестре вы числились регистратором. Теперь будете числиться регистратором с допуском к полевым выходам — это потребует отдельного внесения. — Она закрыла папку. — Это изменение я буду вносить лично. Воронцова посмотрела на него поверх очков — следующее не для протокола. — Козлов, вы знаете, что отдел кадров уже запросил ваше личное дело? — Догадываюсь. — У них есть предложение: перевести Артёма Сенина в статус «специальный субъект». Под бессрочный государственный надзор. Игорь не изменился в лице — только положил ручку на стол точно параллельно краю. — И что вы им ответили? — спросил он. Воронцова помолчала — ровно столько, чтобы было понятно без слов. — Я сказала, что форма 7-Б ещё не утверждена. И что у нас нет правовой категории для Восставших. А пока её нет — никто не тронет вашего охотника. Но, Козлов... — Она сняла очки. — Долго это не продлится. Готовьтесь. Игорь кивнул, сказал «спасибо» — слово вышло без интонации, но значило — и

вышел. Домой он вернулся в семь сорок три. Артём сидел за кухонным столом с ноутбуком Игоря, и на экране был открыт архив РААНИ в разделе, куда Игорь заходил три месяца назад. — Нашёл что-нибудь? — Не особо. — Артём закрыл вкладку. — Там всего много, но либо закрыто, либо «не верифицировано». — Характерно для архива. Артём посмотрел на него, закрыл ноутбук — не выключив — и встал. — Вы ели? — Нет. — Я сварил. Там на плите. Игорь снял пальто — оно было в гипсокартонной пыли с вечера, он об этом забыл — и стряхнул. Артём молча смотрел, пока он снимал ботинки, потом опустил голову и сел. Они ели молча — гречка была несолёной, Артём не спросил, какой объём соли считается стандартным, а Игорь не сказал: обоим это устраивало. — Как прошло? — спросил Артём, когда посуда уже стояла в раковине. — Меня переклассифицировали. — В кого? — В некроманта. Класс официально не существует, но это временно. Артём помолчал секунду, потом: — Это хорошо или плохо? — Пока не знаю. Нужно уточнить. — У кого? Он не ответил, налил кофе и сел снова. Голос появился в девять ноль один — в этот раз как присутствие: плотное, ровное, без торопливости. Игорь сидел за столом, держал чашку обеими руками — с шиной это было неудобно, но работало — и спросил: — Мне нужно знать, с кем я разговариваю. «Ты задаёшь этот вопрос сейчас?» — Да. «Почему сейчас?» — Потому что вчера я спросил «кто ты» и получил «тот, кто ждал долго». Сегодня я работал с последствиями того, что произошло в Разломе, и заполнил форму, в которой нет подходящей графы. Прежде чем заполнять следующую — я хочу знать имя. Молчание тянулось — иначе, чем прежде: с длиной, которую секундами не измеришь. «Велес.» Игорь не сказал ничего. Артём в соседней комнате что-то двигал — судя по звуку, переставлял книги на полке, которую Игорь не перекладывал три года, — а Москва за окном шумела тем ровным, безличным гулом, которым она шумит в будний вечер в январе. В чашке остывал кофе. Игорь сидел тихо пять минут, смотрел на стену. «Ты уверен, что хотел знать?» — Да. Незнание не делает вещь менее реальной — только работать с ней сложнее. «Работай.» Присутствие осталось — терпеливое, трёхтысячелетнее. Игорь взял чашку и допил кофе — холодным. Велес — хозяин Нави, бог мёртвых — выбрал его за то, что однажды пришёл в архив, нашёл нужную папку и не испугался её дочитать. Это значило одно из двух: либо Велес серьёзно переоценивал ценность любопытства как критерия отбора, либо что-то принципиально не так с остальными претендентами, и оба варианта требовали дополнительных данных. — Игорь, — позвал Артём из комнаты. — Вы переставляли эти книги когда-нибудь? — Нет. — Здесь пыль слоем. — Знаю. Звук книги, поставленной на полку, потом — второй, потом методичный скрип: Артём двигал шкаф. Игорь смотрел на стену: на дне — присутствие; за стеной — Восставший, переставляющий книги; за окном — Москва. «Велес, — думал он. — Хозяин Нави, бог мёртвых. Предлагает мне работу. Я думал, хуже регистратора РПРФ должность найти невозможно.» Девять точек на карте — одну он знал изнутри. Имя бога, который дал ему работу, — теперь знал тоже; имя богини, против которой эта работа направлена, — следующий вопрос. Сначала нужно найти подходящую форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.